DOI: 10.31249/rsm/2026.01.02

М.Н. Афанасьев, О.В. Афанасьева, В.П. Краснослободцев

УСИЛИТ ЛИ РОССИЮ ПОРАЖЕНИЕ ЗАПАДА? К ДИАЛОГУ С ЭММАНУЭЛЕМ ТОДДОМ

Аннотация. *Авторы статьи вступают в концептуальный диалог с автором книги «Поражение Запада», французским социологом Эммануэлем Тоддом. Рассматривая выявленные Тоддом причины социального упадка на Западе, авторы показывают, что в глобально вестернизированном мире факторы системной деградации имеют универсальный характер, ибо коренятся в сущностных противоречиях прогресса.*

Раскрыв диалектическую связь накопления капитала и национального государства, авторы обосновывают вывод о том, что в условиях всеобщего кризиса социальной структурности единственным фактором определённой стабилизации социума сегодня может быть национальное государство. При этом государство противостоит хаосу десоциализации и нигилизма постольку, поскольку оно укрепляет свои социальные предпосылки и обеспечивает социальное благополучие.

Авторы формулируют программное положение, согласно которому актуальная повестка социальной науки и адекватного целеполагания устойчивого развития наций должна включать субстанциальное понимание социального благополучия и верификацию результатов усилий государства по обеспечению социального благополучия.

Ключевые слова: *человеческое развитие; социальное благополучие; информационные обмены; информационное общество; кризис социальной структурности; национальное государство; институт семьи.*

Афанасьев Михаил Николаевич – доктор социологических наук, действительный государственный советник Российской Федерации 3 класса. Независимый исследователь. Россия, Москва.
E-mail: michaelafanasiev@yandex.ru
ORCID 0009-0001-8782-9297

Афанасьева Ольга Валентиновна – кандидат политических наук, профессор Школы коммуникаций Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”. Россия, Москва.
E-mail: oafanasieva@hse.ru
ORCID 0000-0002-2041-6631

Краснослободцев Владимир Павлович – кандидат географических наук, государственный советник Российской Федерации 2 класса. Независимый исследователь. Россия, Москва.
E-mail: mingitau-vk@yandex.ru
ORCID 0009-0007-6119-0310

Afanasyev M.N., Afanasyeva O.V., Krasnoslobodtsev V.P.
Would the West's Defeat Reinforce Russia?
A Dialogue with Emmanuel Todd

Abstract. *The authors of the article enter into a conceptual dialogue with the author of the book "The Defeat of the West", Emmanuel Todd. By examining the causes of social decline in the West identified by Todd, the authors demonstrate that in a globally Westernized world, the factors of systemic degradation are universal, as they are rooted in the inherent contradictions of progress.*

By revealing the dialectical relationship between capital accumulation and the nation-state, the authors argue that in the context of a global crisis of social structure, the nation-state may be the only factor capable of stabilizing society. At the same time, the state opposes the chaos of desocialization and nihilism insofar as it strengthens its social foundations and ensures social well-being.

The authors formulate a programmatic statement according to which the current agenda of social science – and adequate goal-setting for the sustainable development of nations – should include a substantive understanding of social well-being and verification of the results of state efforts to ensure it.

Keywords: *human development; social well-being; information exchanges; information society; crisis of social structurality; national-state; institution of the family.*

Afanasyev Mikhail Nikolaevich – Dr. Sci. (Soc.), Full State Councilor of the Russian Federation, 3rd class. Independent Researcher. Russia, Moscow.
E-mail: michaelafanasiev@yandex.ru
ORCID 0009-0001-8782-9297

Afanasyeva Olga Valentinovna – Cand. Sci. (Polit.), Professor of the School of Communication, National Research University Higher School of Economics. Russia, Moscow.
E-mail: oafanasieva@hse.ru
ORCID 0000-0002-2041-6631

Krasnoslobodtsev Vladimir Pavlovich – Cand. Sci. (Geograph.), State Councilor of the Russian Federation, 2nd class. Independent Researcher. Russia, Moscow.
E-mail: mingitau-vk@yandex.ru
ORCID 0009-0007-6119-0310

Введение

«Поражение Запада» – новая книга выдающегося французского антрополога и социального философа Эммануэля Тодда, в которой он объясняет причины неизбежного поражения западной «либеральной олигархии» в столкновении с российской «авторитарной демократией» [Тодд 2024]. Оглушительный эффект этого диссидентского манифеста на Западе усилен эхом самого первого прогноза, который полвека тому назад сделал двадцатипятилетний тогда Эммануэль Тодд. В 1976 г. (sic!) он анонсировал «окончательный провал» СССР, исходя из статистики младенческой смертности, позорной для «передового общественного строя».

Сегодня Тодд – признанный мэтр социальной антропологии, который разработал собственную геополитическую теорию, объясняя исторические пути и актуальное положение наций их этнографией, а именно типологией семейных структур [Тодд 2020; Студенцов 2022]. Он, конечно, признаёт, что в современном глобализированном мире институт семьи чем дальше, тем больше выглядит пережитком прошлого, но ссылается на инерцию унаследованных поведенческих привычек, которые определяют «общественный темперамент».

Это, безусловно, самая оригинальная часть концептуальных конструкций Тодда, но она, признаться, не выглядит самой убедительной. Да, семья всегда была базовой социальной структурой, вариативность которой отражалась в общественных нравах и специфике политических режимов. Однако модернизация и глобализация, унифицируя образ жизни людей в городах, где к началу XXI в. сосредоточилось абсолютное большинство планетарного человечества, задали обратный тренд – институт семьи деградирует, утрачивая качества социальной матрицы.

В возникшем в итоге модернизации *индивидуализированном* и *текучем* обществе (З. Бауман) разрушение семьи ускоряется [Щербакова 2023], что прямо коррелирует с нарастанием общей десоциализации [Putnam 1995]. Соответственно, конкретно-историческая вариативность семейного родства и наследования стирается, речь идёт уже о самом существовании семьи как социального института. На этом и нужно сосредоточиться – верифицировать и ранжировать сохранность/разрушение института семьи в качестве ключевого фактора и показателя устойчивости наций.

Если мы верифицируем и сравним актуальный статус института семьи на Западе и в России, то выяснится, что обе стороны сегодняшнего конфликта находятся в плачевной ситуации. А значит запас прочности России не слишком превосходит устойчивость Запада. Тодд признаёт и даже подчёркивает социальную стабилизацию в России при Путине, но вместе с тем указывает на демографическую слабость, которая может оказаться нашей «ахиллесовой пятой».

Следовательно, даже в случае победы России главным бенефициаром «поражения Запада» может стать не Россия, а кто-то иной. Китай уже создал,

а Индия быстро создает собственные гравитационные ядра новой геоэкономики. И совсем не обязательно новая геоэкономическая интеграция состоится без участия западных капиталов, которые теряют перспективу роста на депрессивном Западе. Кроме того, на пространстве Северной Евразии всё больше будут задавать тон наши южные соседи – Казахстан, Киргизия, Узбекистан, Таджикистан, Азербайджан и Турция. В этих странах институт семьи сохранился гораздо лучше, среднеазиатские государства обрели небывалый за всю их историю демографический вес [Демографические итоги 2025 года].

Собственно, по мысли Тодда, поражение Запада не означает победу России. Речь идет о системной деградации Запада, а окончательное поражение он наносит себе сам – тем, что на волне нарциссизма и нигилистического отрицания реальности отказывается умерить свой привычный экспансионизм.

Эволюция индивидуализированного общества

Фундаментальным фактором исторического подъема Запада Тодд, адаптируя Макса Вебера, считает побочный социальный эффект религиозной контрреформации: протестантизм требовал от всех верующих прямого обращения к Священному Писанию, а значит и обучения грамоте, и в итоге сформировал эффективную рабочую силу. Далее, требуя перевода Библии на местный язык, Лютер и его последователи внесли большой вклад в формирование национальных культур и воинственных наций-государств: Англии Кромвеля, Швеции Густава-Адольфа или Пруссии Фридриха II.

Прослеживая эволюцию религии на Западе, Тодд выделяет три фазы: активную (люди ходят в церковь); «состояние зомби» (по инерции сохраняются обряды крещения, венчания и отпевания) и «нулевое состояние», которое достигнуто в начале XXI в. (торжество ЛГБТ, признание однополых браков). Вместе с религией распадаются нации и приходят в упадок национальные государства.

По меткому определению антрополога, индивидуумы, освобожденные от власти коллектива ради так называемого «личностного развития», превращаются в толпу мимических гномов, неспособных подняться над непосредственными желаниями, не умеющих мыслить самостоятельно и воспроизводящих архаичную нетерпимость. Свобода от коллективных убеждений убила *сознание*, которое подразумевает существование других, и *совесть*, которая предполагает исполнение одобренных другими моральных правил [Тодд 2024, с. 207–209].

Тодд диагностирует: религиозная пустота, обессмысливая человеческое существование, порождает на Западе, прежде всего в Америке, социальный нигилизм – тягу к самоуничтожению. Отсюда парадоксальные, на первый взгляд, социальные эффекты: в самой богатой и передовой стране мира растет

смертность из-за алкоголизма, самоубийств, опиоидной зависимости, а также эпидемии серийных расстрелов; крайне высок уровень тюремного заключения (531 человек на 1 млн населения); наблюдается массовое ожирение (42% населения) и снижение коэффициента интеллекта, идущее параллельно массовизации высшего образования [Тодд 2024, с. 207–231].

И, конечно, коронный индикатор Тодда, предвещающий будущее. Смотрим статистику: уровень младенческой смертности в США не только не снижается, но в 2020-х годах даже вырос, составив 5,6 смертей на 1000 живорождений [US National Center for Health Statistics]. Для сравнения, в России этот показатель снизился уже до 3,2 [Федеральная служба государственной статистики]. По уровню младенческой смертности США отстают не только от России и Китая (5,1), но даже от Кубы (3,9), где душевой ВВП в 6 раз меньше, чем в США [United Nations Population Division].

Общая мысль Тодда состоит в том, что США и Великобритания, составляющие цивилизационное ядро Запада, пришли к нулевому состоянию религии и нации и в таком состоянии обречены на деградацию и геополитическое поражение. Тогда как Россия показывает признаки «успешной стабилизации», позволяющие ей рассчитывать на победу.

При всём воодушевлении от такого прогноза хотелось бы убедиться в системности признаков стабилизации и понять, чем она обусловлена. Неужели русские в своей массе более религиозны и семейственны, чем американцы или французы? Заметим, что Тодд даже не пытался этого утверждать.

Россия отреклась от «опиума» религии ради коммунизма, затем похоронила коммунистическую идеологию и стала имплементировать институты развитых капиталистических стран. Собственно, никаких иных, особенных, институтов у нас сегодня и нет. Спрашивается, как Россия, копируя Запад, смогла обеспечить социальную стабилизацию в то время, когда Запад стал деградировать?

Попытки Тодда разглядеть в нашей социальной динамике следы русской общины и авторитарно-эгалитарной крестьянской семьи не убеждают. Как и его предположение о том, что у России есть некая «способность предотвращать развитие абсолютного индивидуализма» [Тодд 2024, с. 68–69]. Такой спонтанной способностью сегодня не обладает никакая нация, никакая цивилизация, в том числе и Россия.

Следует признать, что прогрессирующий индивидуализм составляет культурную доминанту развития человечества, особенно в эпоху модернизации [Поппер К. 1992, с. 217–221]. Соглашаясь с Карлом Поппером в признании этой доминанты, мы расходимся в оценке её последствий [Афанасьева 2012]. Действительно, каждая новая стадия социального прогресса повышает степень человеческой индивидуализации. Приведём краткое резюме этого восхождения.

В перманентной культурной революции Модерна можно выделить три ступени или скачка: «Восстание масс» (по определению Хосе Ортеги-и-Гассета)

в начале XX в.; «Восстание детей» во второй половине того же века и «Восстание меньшинств» в начале XXI в. Заметим, что скачки культурной революции соответствуют восходящим стадиям урбанизации и интенсификации информационных обменов.

«Восстание масс» на стадии полной урбанизации развитых капиталистических стран Запада и расцвета массовой культуры, отринув расколдованное наукой слово Божие, и ниспровергнув иерархию социальных сословий, запустило часовой механизм прогресса.

«Восстание детей» – подрастающих бэби-бумеров – началось в 1960-х годах, когда треть планетарного человечества сконцентрировалась в городах, а телевидение вызвало первый приступ того, что Маршал Маклюэн провидчески назвал информационной имплозией [Маклюэн, Фиоре 2012]. Восставшие «дети» усугубили культурную революцию постмодернистским отрицанием истины [Лиотар 1998], обнулив остаточный авторитет родителей и прочих стариков, и провозгласив *новизну* единственной абсолютной ценностью [Афанасьева 2021a].

По мере замещения ценностей семьи, труда и достатка ценностями свободы гедонизма и самовыражения [Инглхарт, Вельцель 2011] общество превращалось в «мир индивидуальных практик» [Делёз, Гваттари 2010]. И вот с началом XXI в., когда планетарное человечество в большинстве своём стало городским, и цифровые коммуникации запустили обещанную информационную имплозию, дело дошло до «восстания меньшинств». В новом скачке культурной революции скачущие и захватывающие власть меньшинства сделали предметом индивидуалистического, нигилистского самовыражения любые социальные идентичности и саму антропологию хомо сапиенс, таким образом обнуляя исторически сложившиеся идентичности [Политическая идентичность 2011, с. 43–47] и элиминируя человеческую социальность.

Взрывная интенсификация информационных обменов и обусловленное этим предельное ускорение социальных изменений [Капица 2008] вошли в резонанс со сломом культурных норм и новым варварством, которые мультиплицируются цифровыми сетевыми коммуникациями [Рябов 2022, с. 32–33]. Социальная динамика зашкаливает и уже неотличима от калейдоскопа виртуальности: на наших глазах рассыпаются все структуры бытия и категории сознания, которые как-то стабилизировали человеческое существование. Таким образом, на пике прогресса человечество пришло к распаду социальной структурности [Афанасьева 2021b, с. 135–145].

Даже в формате советского индустриального общества Россия шла по общему пути возрастающей человеческой индивидуализации, а интеграция страны в мир-систему глобального капитализма многократно усилила тенденции десоциализации и нигилистического расчеловечивания. Русское православие и семья находятся в том же состоянии, что и протестантизм, католичество и се-

мья на Западе. Единственным фактором определённой стабилизации социума сегодня *может быть* национальное государство, если оно укрепит свои основы – институт семьи и традиционные религии[1]. Возможно, социальная деградация на Западе и стабилизация в России обусловлены разным состоянием институтов государства?

Государство и капитал

Тодд определил политическое состояние Запада как либеральную олигархию. Это определение необходимо развернуть, произведя экспликацию сконцентрированных в нём смыслов.

Актуальное политическое состояние Запада может быть определено как транснациональная – одновременно иерархичная и конфликтная – олигархия в рамках глобальной мир-системы (Валлерстайн, Арриги), ядро которой составляет американизированный Запад, доминирующий над вестернизированной глобальной периферией. Эволюция западных цивилизационных институтов, иерархия стран и фракций транснациональной олигархии, а также её могущество в целом, определяются глобальным накоплением капитала.

Российский политолог Владимир Лапкин, прослеживая эволюцию модели национального государства, акцентировал изначально решающую роль «внутреннего рынка» как промоутера государственного строительства и консолидации наций в странах Запада, а затем решающую роль «мирового рынка» в лице его ведущих игроков и прежде всего США как политического организатора и распорядителя глобальных ресурсов при переходе к униполярному миропорядку [Лапкин 2019]. Итог этой эволюции парадоксален.

С переходом к униполярному миропорядку модель демократического национально-территориального государства получила глобальное распространение, определяя легитимность каждой структурной единицы в системе объединенных наций. Вместе с тем национальные государства вступают в непримиримый конфликт с «экстратерриториальной, сетевой Империей, функционирующей в глобальном масштабе и в особом, закрытом для непосвященных пространстве политики» [Государство 2020, с. 83–84]. Притом сетевая глобалистская элита ослабляет национальные государства не только на периферии, но и в ядре мир-системы.

Таким образом, национальное государство испытывает на себе воздействие капитала, и это воздействие весьма противоречиво. В эпоху первоначаль-

1. Мы согласны с подходом Боба Джессопа: государство, являющееся институциональным полем конфликтных, но всё ещё легитимных, т. е. обладающих потенциалом консолидации, социальных взаимодействий, в современном контексте выглядит как «адресат последней инстанции, которого призывают к действию другие социальные силы» [Джессоп 2019, с. 47].

ного накопления капитал выступал фактором формирования национального государства, точнее трансформации абсолютистских монархий в «национальные» государства с перетеканием ресурсов и власти из дворцов старой аристократии в сити главных городов. Однако уже накопленный и сконцентрированный в национальных рамках – а тем более в глобальном масштабе – капитал подтачивает и в конце концов разрушает любое национальное государство, даже национальное государство главной мировой державы, которая по инерции продолжает позиционироваться как самая могучая, «исключительная нация» (программный тезис Барака Обамы).

Чтобы видеть указанную взаимосвязь, нужно различать историческое государство и накапливающийся капитал. Между тем понятие «национальное государство» часто использовалось – причем в разных и даже антагонистичных дискурсах – с целью акцентировать капиталистический генезис и имманентную буржуазность «наций» Нового времени (Маркс, Ленин, Троцкий, Ростоу, Пай, Тилли, Валлерстайн). Тем более важен подход Тодда, когда он усматривает социальный корень национального государства не в рынке и капитале, а в религии, которая собирает и конституирует народ-нацию. Соответственно, именно обнулением религии Тодд объясняет энтропию исторического феномена «национального государства» прямо на его исторической родине [Тодд 2024, с. 117–135].

И здесь надо вернуться к определению актуального политического состояния Запада как либеральной олигархии. Идеологическая характеристика тут не менее важна, чем типология власти. Капиталистическая элита, концентрируясь и властвуя олигархически, самоопределяется как «либеральная». Почему?

Либерализм культивирует свободу индивидов, поэтому является антитрадиционной, но объективно – в интенции и по результатам – сугубо элитистской идеологией, которая обеспечивала утверждение и прогрессирование капитализма на Западе в неразрывной связи с капиталистической экспансией Запада в мире. Последовательная борьба либерализма за «раскрепощение личности» и эмансипацию современного человека от социальных ограничений, которые признаны несоответствующими духу современности, реакционными, привела к следующим макросоциальным эффектам.

Достижение первой программной цели либерализма – освобождение людей от «оков» религии – устранило ментальные препятствия для редукции культуры к «рыночной психологии» (Поланьи) и для рыночной капитализации всех сфер человеческой жизнедеятельности. Что интенсифицировало индивидуалистическую атомизацию массового общества и максимизацию могущества капиталистической олигархии, которые вполне коррелируют друг с другом.

Так, массовый отказ от семьи и детей ради свободного «человеческого развития», редуцированного к миру homo economicus, полностью соответствует мальтузианской стратегии борьбы элиты с народонаселением за ресур-

сы. А толпы индивидуализированных «мимических гномов» (воспользуемся метафорой Тодда) с неразлучными гаджетами и вживлёнными чипами – это идеальная среда для управляемого хаоса: разрозненные, зацикленные на своих желаниях и фобиях люди легко управляются посредством информационных вирусов, запускающих ментальные эпидемии [Ашманов 2019].

Таким образом, максимизация могущества финансового капитала [Гильфердинг 2011] и последовательная либерализация массового сознания обусловили деградацию национального государства как ансамбля публичных институтов. Речь идет о синхронном размывании социальной и ментальной основ национального государства.

Утверждение западной модели национального государства в качестве мирового образца политической организации произошло на подъёме индустриального общества, когда рост благосостояния растущего числа инженерно-технических работников и квалифицированных рабочих способствовал их интеграции в массовую культуру и политическую систему западных наций в качестве массового среднего класса. Напротив, трансфер индустрии из ядра на периферию капиталистической мир-системы, совершенный в последнюю треть XX в. под эгидой «постиндустриализма», привёл к усыханию западного среднего класса и росту замещающего его прекариата [Стэндинг 2014].

Триумф сконцентрированного на Западе финансового капитала, зафиксированный в историческом моменте как «глобализация», был использован транснациональной либеральной олигархией для снятия прежних ограничений на концентрацию капитала и рост имущественной поляризации общества [Saez, Zucman 2019]. А это неизбежно превращает публичные институты в инструменты всё более жесткого господства элит, отбросивших религиозные и социальные «нарративы», прежде необходимые для легитимации их господства, но потерявшие смысл в условиях глобально монополизированного [Vitali, Glattfelder, Battiston 2011], перепрограммировавшего публичную сферу [Хабермас 2016], а теперь ещё и цифрового, тотально-надзорного капитализма [Зубофф 2022].

Сокрушительным ударом по институтам и самой идее национального государства на Западе стала массовая инокультурная иммиграция. Расширенное привлечение иммигрантов стартовало в Европе, странах Британского содружества и США в 1980-е годы, одновременно с демонтажом государства всеобщего благосостояния в интересах элит. В 1990-е годы страны – лидеры Евросоюза либерализовали режим пребывания и натурализации иммигрантов, а также получение гражданства детьми иммигрантов. К середине 2010-х годов иммиграционное давление прошло точку невозврата и обрело новое качество. Речь идет о замещении иммигрантами и их потомством бездетного, стареющего европейского населения и радикальной смене этнического и цивилизационного ландшафта Европы. Но и на фоне ставшей массовой преступности, социальной

дестабилизации и погружения Европы в экономическую стагнацию Международная организация по миграции, Управление верховного комиссара ООН по делам беженцев, Департамент по экономическим и социальным вопросам ООН, Международный валютный фонд и Европейская Комиссия призывают не останавливать, а расширять поток иммиграции в развитые страны.

С учетом всего сказанного становится очевидной неспособность национальных государств Запада, ставших придатком глобального капитализма, обеспечить должную консолидацию политических сообществ. Анализ обширной научной литературы, проделанный И.С. Симоненко, В.В. Лапкиным, В.И. Пантиным, показывает, что дискурс о кризисе модели национального государства, стал доминантой современной политологической повестки дня [Государство 2020, с. 19–24; 78–82; 85–91].

Заметим, что указанный дискурс может быть не только аналитическим, но и проективным. Любая дефиниция представляет собой сознательную конструкцию, предполагая зазор между описанием и объектом, а значит дефиниции могут использоваться для ментального конструирования либо деконструкции того или иного социального порядка [Йоргенсен М.В., Филлипс Л.Дж. 2008]. В этом смысле можно говорить о власти дискурса (Фуко). И если так, то логично ожидать, что политологический дискурс всегда будет определенным образом сориентирован в силовом поле власти и в режиме мейнстрима обеспечивать ментальную гегемонию и стратегию главных держателей ресурсов социального могущества [см. Андерсон 2018, с. 27–43].

Поэтому следует проявлять разумную осторожность в восприятии прогрессистской критики модели национального государства и в имплементации альтернативных ей моделей. Стратегия растворения национальных государств в глобальной империи американизированного Запада [Фукуяма 2015; Лал 2010; Bartelson 2013] теряет былую привлекательность. Чего не скажешь о конструировании локальных политических идентичностей в духе «нового национализма» [Delanty 1996]. В том же русле – предложения «помыслить», т. е. спроектировать, государство «за пределами принятой модели национального государства» [Linz, Stepan 2011, с. 4–6], с тем чтобы заменить проблематику консолидации нации-государства на проблематику поддержки мультинационального разнообразия политическими средствами, включая асимметричный федерализм.

Модель «государства-нации», согласно логике её авторов [Linz, Stepan 1996, с. 4–6], должна бы использовать множественное число: «государство наций». Применительно к Индии указанная модель оппонирует проводимому правительством Нарендры Моди курсу нациестроительства, как асимиляторскому. Идеал-типическое определение «государства-нации», как многонационального государственного сообщества, опирающегося на сильную идентификацию граждан с государством, повисает в воздухе при попытке конкретно-истори-

ческой верификации. Выбор Канады в качестве программного кейса крайне неубедителен: во-первых, генезис канадской государственности слишком нетипичен, чтобы на его основе строить идеал-типическую модель; во-вторых, политическая динамика Канады демонстрирует как раз не сильную, а всё более слабую идентификацию граждан с государством[2].

Социальные кондиции государства

Россия потеряла с распадом СССР часть исторических русских земель и веками нарощенную имперскую сферу, но так и не вписалась в «постисторический мир», анонсированный Фрэнсисом Фукуямой для развитой части человечества. Поэтому Россия задержалась в «мире истории», где, по признанию того же автора, национальное государство все ещё оставалось главным центром политической идентификации.

На самом деле, связь России с «миром истории» и глубинная приверженность российского народа историческому русскому государству, как главному условию и центру национальной идентификации, составляют самую суть определения России в качестве страны-цивилизации (программный тезис Владимира Путина).

Государственничество российского народа совсем неочевидно при наблюдении массовых каждодневных практик, но его экзистенциальный императив не раз и не два был доказан отечественной историей. Так, постсоветское разгосударствление социума вызвало социальный коллапс, который поставил Россию на грань выживания, и последствия которого далеко непреодолены.

Открытым остается вопрос, какая идеал-типическая модель подходит для осмысления российской государственности. К примеру, такие страны-лидеры незападного мира, как Китай, Индия, Иран, Турция для демонстрации исторической глубины, масштаба и субъектности своих политий используют идеологему «государство-цивилизация» [Наумкин 2020]. К России такое определение тоже применимо и уже отчасти используется.

Однако такой концептуальный ход имеет свои недостатки. Модель «государство-цивилизация» сформирована применительно к Китаю, при этом в официальном дискурсе КНР наряду с концептом «китайская цивилизация»

2. При проведении переписи в 2001 г. 32,22% граждан определили своё этническое происхождение как «канадцы». А в 2021 г. среди разных определений «этнического или культурного происхождения» определение «канадец» выбрали всего лишь 15,6% участников переписи [Statistics Canada. Census Profile, 2021]. Такая тенденция вполне соответствует политике правящей элиты. Так, предпоследний канадский премьер-министр Трюдо-младший с удовлетворением констатировал, что «в Канаде нет основной, стержневой идентичности» [Trudeau's Canada, 2015], т. е. нет доминирующей национальности, имеющей корни в истории этого государства.

используется также и концепт «китайская нация». В других державах, где современные республики стоят на имперском фундаменте, «цивилизационный» дискурс, как и «национальный», проблематизируется немалым удельным весом этнокультурных идентичностей, отличных от доминирующей. Для деконструкции постимперских политий «столкновение цивилизаций» подходит не хуже, чем «самоопределение наций».

Кроме того, в случае выстраивания оппозиции идеал-типических моделей – «государство-цивилизация» versus «национальное государство» – неизбежно актуализируется вопрос: чем и почему институты конкретного «государства-цивилизации» отличаются от типовых публичных институтов государства Модерна? И следующий вопрос: купирует ли модель «государство-цивилизация» влияние капитала, либо под его воздействием трансформируется в том же направлении, что и модель «национальное государство»?

Надо отметить, что в отечественной интеллектуальной традиции сформировалась своя идеал-типическая модель, получившая закрепление в Конституциях СССР 1936 и 1977 г., которые определяли советское государство как *общенародное*. С такой установкой в стране выросло не одно поколение граждан. И потому неплохо бы к ней вернуться в контексте определения наших традиционных ценностей.

Модель «общенародное государство» интересна тем, что наследует традиционной русской модели «служилого государства», предполагавшей исполнение *всеми сословиями* закрепленных за ними *государственных функций*, и развивает государственническую традицию в условиях массового общества. При этом концепт «общенародное государство» удачно соединяет позитивно-имперскую идеологему *общего дома* автохтонных народов России с общинно-соборной идеологемой *народной природы* государства-Отечества, подчеркивая его *всенародный охват*.

Дискурсивная модель имеет значение, но сама по себе не исправит институциональные изъяны и культурные дефициты. Российские верхи обычно озабочены иерархией контроля над ресурсами, а не функционированием государственных органов в качестве публичных институтов. Привычная репрессивность политических режимов была одновременно проявлением и компенсацией институциональной недостаточности. Показательно, что либерализация режима в СССР после Сталина вызвала прогрессирующее ослабление государства, которое лишь отчасти компенсировалось количественным и культурным ростом советского среднего класса.

Разгосударствление же и подчинение человеческой жизнедеятельности накоплению капитала вообще обнулили социальную ответственность акторов, занимающих государственные должности [Афанасьев 2006]. Постсоветская элита встроилась в глобальную иерархию финансового капитала. Альтернативный план Путина сводился к двум пунктам: восстановление управляемости

в стране и вхождение России в мир-систему глобального капитализма в качестве суверенного государства. Но такое «государственничество» противоречило логике «глобализации».

Восстановление «вертикали власти» при Путине упорядочило функционирование государственных институтов, что возымело совокупный положительный эффект, зафиксированный Тоддом как «социальная стабилизация». Однако потенциал такой стабилизации, похоже, иссяк. Внутреннее политическое состояние России соответствует глобальной деградации публичной сферы, когда в функционировании государственных институтов доминируют, по определению А.И. Соловьева, «латентные нормы и принципы распределения и перераспределения общественных ресурсов и статусов» и соперничество правящих групп за увеличение своих властных прерогатив [Государство 2020, с. 60].

Выводы

Перспектива консолидации и самого бытия российского народа, как исторической общности и гражданской нации, зависит от выполнения правящими элитами кондиций общенародного государства. Обеспечивает ли сегодняшнее государство устойчивое развитие России? Для того чтобы ответ был конкретным и содержательным, следует ясно определить цель и критерии устойчивого развития нации.

Во главу угла необходимо поставить субстанциальное определение и верификацию социального благополучия. Понимая социальное благополучие, как *производство жизни* и *общественное устройство*, которое уменьшает страдания людей, мы разработали индекс, оценивающий популяционное воспроизводство; сохранность семьи; результативность государства в сбережении человеческих жизней и минимизации социального угнетения [Афанасьев, Афанасьева, Краснослободцев 2024]. Индекс социального благополучия может быть использован для адекватного целеполагания устойчивого развития наций и региональных сообществ и верификации достигнутых результатов.

Библиография

Андерсон П. Перипетии гегемонии / пер. с англ. Д. Кралечкина под науч. ред. В. Софронова. М.: Изд-во Института Гайдара, 2018. 190 с.

Афанасьев М.Н. Невыносимая слабость государства. М.: РОССПЭН, 2006. 271 с.

Афанасьев М.Н., Афанасьева О.В., Краснослободцев В.П. Социальное благополучие как критерий развития наций (к вопросу о методологии оценивания) // Мировая экономика и международные отношения. 2024. № 1. С. 125–136.

Афанасьева О.В. Открытое общество и его риски. Перечитывая Карла Поппера // Вопросы Философии. 2012. № 11. С. 43–54.

Афанасьева О.В. Мода в политической коммуникации Постмодерна // Тетради по консерватизму. 2021а. №3. С. 156–166.

Афанасьева О.В. Интегрированные коммуникации, но дезинтегрированное общество. Quo vadis? // Тетради по консерватизму. 2021. №3. С. 135–145.

Ашманов И.С. Ментальные эпидемии и «мозговые» вирусы в эпоху информационных войн // Вопросы культурологии. 2019. №4. С. 46–53.

Гильфердинг Р. Финансовый капитал: Новейшая фаза в развитии капитализма / пер. с нем. И.И. Скворцова-Степанова. Изд. 7-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. 460 с.

Государство в политической науке и социальной реальности XXI века / Под ред. И.С. Семененко (отв. ред.), В.В. Лапкина, В.И. Пантина / ИМЭМО РАН. М.: «Весь Мир», 2020. 384 с.

Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато. Капитализм и шизофрения / пер. с фр. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. 892 с.

Демографические итоги 2025 года для славянских и мусульманских республик постсоветского пространства // Telegram channel Data Distributor. URL: https://t.me/sterngang/1530 (date of access: 15.03.2026).

Джессоп Б. Государство. Прошлое, настоящее и будущее / пер. с англ. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019. 504 с.

Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти / пер. с англ. М.: Издательство Института Гайдара, 2022. 781 с.

Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития / пер. с англ. М.: Новое издательство, 2011. 464 с.

Йоргенсен М. В., Филлипс Л. Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод / пер. с англ. Харьков: “Гуманитарный Центр”, 2008. 350 с.

Капица С.П. Новый кризис опаснее чумы и мировой войны // Известия. 12.02.2008. URL: https://iz.ru/news/333241 (дата обращения: 15. 03.2026).

Лал Д. Похвала империи. Глобализация и порядок / пер. с англ. М.: Фонд Либеральная миссия: Новое издательство, 2010. 361с.

Лапкин В.В. Глобальная интерлюдия: от униполярной дисфункции к новому миропорядку // Полис. 2019. № 6. С. 128–144.

Лиотар Ж-Ф. Состояние постмодерна / пер. с фр.: Н. А. Шматко. М.: Ин-т эксперим. социологии ; СПб.: Алетейя ; 1998. 159 с.

Маклюэн М., Фиоре К. Война и мир в глобальной деревне / пер. с англ. Ж.И. Летберга. М.: АСТ «Астрель», 2012. 219 с.

Наумкин В.В. Модель не-Запада: существует ли государство-цивилизация? // Полис. 2020. № 4. С. 78–93.

Политическая идентичность и политика идентичности / Под ред. И.С. Семененко. М.: РОССПЭН, 2011. Т. 1. 208 с.

Поппер К. Открытое общество и его враги в 2 т. / пер. с англ. Под общ. ред. В.Н. Садовского. Т.1. М.: Междунар. фонд «Культ. инициатива». 446 с.

Рябов А.В. О противоречиях и исторических развилках перехода к цифровому обществу // Полития. 2022. №4. С. 23–39.

Студенцов В.Б. Антропологический ключ к пониманию общества: как его видит Эммануэль Тодд // Мировая экономика и международные отношения. 2022. Т. 66. № 8. С. 111–120.

Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс / пер. с англ. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. 326 с.

Тодд Э. Поражение Запада / пер. с франц. М.: АСТ, 2024. 461 с.

Тодд Э. Куда мы идем: история развития человечества глазами антрополога / пер. с франц. М.: Эксмо, 2021. 510 с.

Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы: Исследования относительно категории буржуазного общества / пер. с англ. М.: Весь Мир, 2016. 342 с.

Федеральная служба государственной статистики (Росстат). URL: https://www.fedstat.ru/indicator/33526 (дата обращения: 15.03.2026). (In Russ.)

Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / пер. с англ. М.: Изд-во АСТ, 2015. 576 с.

Щербакова Е. Домохозяйства ЕС-27, 2009–2022 годы // Демоскоп Weekly. 2023. № 1009–1010. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/2023/01009/barom01.php (дата обращения: 15. 03.2026).

Bartelson J. Sovereignty as Symbolic Form. London: Routledge, 2013. 134 p.

Delanty G. Beyond the Nation-State: National Identity and Citizenship in a Multicultural Society – A Response to Rex // Sociological Research Online. 1996. URL: https://journals.sagepub.com/doi/10.5153/sro.23 (date of request: 09.03.2026).

Linz J.J., Stepan A., Yadav Yog. Crafting State-Nations. India and Other Multinational Democracies. Baltimore: John Hopkins University Press. 2011. 336 p.

Linz J., Stepan A. Problems of Democratic Transition and Consolidation: Southern Europe, South America, and Post-Communist Europe. Baltimore: John Hopkins University Press, 1996. 459 p.

Putnam Robert D. Bowling Alone: America's Declining Social Capital. Journal of Democracy. 1995. № 1. P. 65–78. URL: https://www.journalofdemocracy.org/articles/bowling-alone-americas-declining-social-capital/ (date of request: 15.03.2026).

Saez E., Zucman G. The Triumph of Injustice: How the Rich Dodge Taxes and How to Make Them Pay. W.W. Norton & Company, New York, 2019. 232 p.

Trudeau's Canada, Again // The New York Times. Dec. 8. 2015. URL: https://www.nytimes.com/2015/12/13/magazine/trudeaus-canada-again.html (date of access: 15.03.2026).

US National Center for Health Statistics. URL: https://www.cdc.gov/nchs/nvss/vsrr/infant-mortality-dashboard.htm.(date of access: 15.03.2026).

United Nations Population Division. URL: https://data.un.org/Data.aspx?d=PopDiv&f=variableID%3a77 (date of access: 15.03.2026).

Vitali S, Glattfelder JB, Battiston S. The Network of Global Corporate Control (2011). URL: https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0025995 (date of request: 15. 03.2026).

References

Anderson P. Peripetii gegemonii [The Peripeties of Hegemony] / Translated from English Translated from English by D. Kralechkin, edited by V. Sofronov. M.: Gaidar Institute Press, 2018. 190 p. (In Russ.).

Afanasyev M.N. Nevynosimaya slabost' gosudarstva [The unbearable weakness of the State]. M.: Russian Political Encyclopedia, 2006. 271 p. (In Russ.)

Afanasyev M.N., Afanasyeva O.V., Krasnoslobodtsev V.P. Social'noe blagopoluchie kak kriterij razvitiya nacij (k voprosu o metodologii ocenivaniya) [Social Well-Being as a Criterion for Development of Nations (On the Issue of Assessment Methodology)]. Mirovaya ehkonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [World Economy and International Relations]. 2024. N 10. P. 125–136. (In Russ.)

Afanasyeva O.V. Otkrytoe obshchestvo i ego riski. Perechityvaya Karla Poppera [Open Society and Its Risks. Rereading Karl Popper]. Voprosy Filosofii [Questions of Philosophy]. 2012. № 11. P. 43–54. (In Russ.)

Afanasyeva O.V. Moda v politicheskoj kommunikacii Postmoderna [Fashion in Postmodern political communication]. Tetradi po konservatizmu [Notebooks on Conservatism], 2021a. N3. P. 156–166. (In Russ.)

Afanasyeva O.V. Integrirovannye kommunikacii, no dezintegrirovannoe obshchestvo. Quo vadis? [Integrated communications, but a disintegrated society. Quo vadis?] Notebooks on conservatism [Notebooks on conservatism], 2021. N3. P. 135–145. (In Russ.)

Ashmanov I.S. Mental'nye ehpidemii i «mozgovye» virusy v ehpohu informacionnyh vojn [Mental epidemics and "brain" viruses in the era of information wars]. Voprosy kul'turologii. [Questions of Cultural Studies]. 2019. N4. P. 46–53. (In Russ.)

Bartelson J. Sovereignty as Symbolic Form. London: Routledge, 2013. 134 p.

Deleuze J., Guattari F. Tysyacha plato. Kapitalizm i shizofreniya / per. s fr. [Thousand Plateaus. Capitalism and Schizophrenia / translated from French] Ekaterinburg: U-Faktoriya; M.: Astrel' [Yekaterinburg, U-Factoria; M.: Astrel], 2010. 892 p. (In Russ.)

Delanty G. Beyond the Nation-State: National Identity and Citizenship in a Multicultural Society – A Response to Rex // Sociological Research Online. 1996. URL: https://journals.sagepub.com/doi/10.5153/sro.23 (date of access: 09.03.2026).

Demograficheskie itogi 2025 goda dlya slavyanskih i musul'manskih respublik postsovetskogo prostranstva. [Demographic results for the Slavic and Muslim republics of the post-Soviet space in 2025]. Telegram channel Data Distributor, https://t.me/sterngang/1530 (date of access: 09.03.2026). (In Russ.)

Federal State Statistics Service (Rosstat). URL: https://www.fedstat.ru/indicator/33526 (date of access: 15.03.2026). (In Russ.)

Fukuyama F. Konec istorii i poslednij chelovek [The End of History and the Last Man] / per. s angl. [Translated from English]. M.: Izd-vo AST, 2015. 576 p. (In Russ.)

Gosudarstvo v politicheskoj nauke i social'noj real'nosti XXI veka. [The State in Political Science and the Social Reality of the 21st Century] / Pod red. I.S. Semenenko (otv. red.), V.V. Lapkina, V.I. Pantina. [Edited by I.S. Semenenko (editor-in-chief), V.V. Lapkin, and V.I. Pantin] / IMEMO RAS. M.: Ves' Mir, 2020. P. 384. (In Russ.)

Habermas, J. Strukturnoe izmenenie publichnoj sfery: Issledovaniya otnositel'no kategorii burzhuaznogo obshchestva [The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society] / per. s angl. [Translated from English]. M.: Ves' Mir, 2016. 342 p. (In Russ.)

Hilferding R. Finansovyj kapital: Novejshaya faza v razvitii kapitalizma. [Financial Capital: The Latest Phase in the Development of Capitalism]/ per. s nem. I. I. Skvorcova-Stepanova. Izd. 7-e. [Translated from German I. I. Skvortsova-Stepanova. 7th edition.]. M.: Knizhnyj dom LIBROKOM, 2011. 460 p. (In Russ.)

Inglehart R., Welzel C. Modernizaciya, kul'turnye izmeneniya i demokratiya: Posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitiya [Modernization, Cultural Change and Democracy The Human Development Seq] / per. s angl. [translated from English]. M.: Novoe izdatel'stvo, 2011. 464 p. (In Russ.)

Jessop B. Gosudarstvo. Proshloe, nastoyashchee i budushchee [The State. Past, Present, and Future] / per. s angl. [translated from English]. M.: Izdatel'skij dom «Delo» RANHiGS [Delo Publishing House of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration], 2019. 504 p. (In Russ.)

Kapitsa S.P. Novyj krizis opasnee chumy i mirovoj vojny [The new crisis is more dangerous than the plague and the World War]. Izvestiya [Izvestia], 12.02.2008. URL: https://iz.ru/news/333241 (date of access: 15.03.2026). (In Russ.)

Lal D. Pohvala imperii. Globalizaciya i poryadok [In Praise of Empires: Globalization and Order] / per. s angl. [Translated from English]. M.: Fond Liberal'naya missiya : Novoe izdatel'stvo, 2010. 361 p. (In Russ.).

Lapkin V.V. Global'naya interlyudiya: ot unipolyarnoj disfunkcii k novomu miroporyadku [Global Interlude: From Unipolar Dysfunction to a New World Order]. Polis. Politicheskie issledovaniya [Polis. Political Studies], 2019. N 6. P. 128–144. (In Russ.).

Linz J.J., Stepan A., Yadav Yog. Crafting State-Nations. India and Other Multinational Democracies. Baltimore: John Hopkins University Press. 2011. 336 p.

Linz J., Stepan A. Problems of Democratic Transition and Consolidation: Southern Europe, South America, and Post-Communist Europe. Baltimore: John Hopkins University Press, 1996. 459 p.

Lyotard J-F. Sostoyanie postmoderna [The Postmodern Condition] / per. s fr. N.A. Shmatko [translated from French: N.A. Shmatko]. M.: In-t ehksperim. sociologii; SPb.: Aletejya, 1998. 160 p. (In Russ.)

Marianne V. Jørgensen, Louise J. Phillips. Diskurs-analiz. Teoriya i metod [Discourse Analysis. Theory and Method] / per. s angl. [Translated from English]. Kharkiv: Humanitarian Center, 2008. 350 p. (In Russ.).

McLuhan M., Fiore K. Vojna i mir v global'noj derevne [War and Peace in the Global Village] / per. s angl. Zh.I. Letberga [translated from English: Zh.I. Letberg]. M.: AST Astrel, 2012. 219 p. (In Russ.)

Naumkin V.V. Model' ne-Zapada: sushchestvuet li gosudarstvo-civilizaciya? [The Non-Western Model: Does a State-Civilization Exist?]. Polis. Political Studies [Polis. Political Studies]. 2020. N 4. P. 78–93.

Politicheskaya identichnost' i politika identichnosti / Pod red. I.S. Semenenko [Political Identity and Identity Politics / Edited by I.S. Semenenko] M.: ROSSPEHN [M.: Russian Political Encyclopedia], 2011, т. 1. [vol. 1]. 208 p. (In Russ.)

Popper K. Otkrytoe obshchestvo i ego vragi. V 2 t. [The Open Society and Its Enemies Volumes I and II] per. s angl. pod obshch. red. V.N. Sadovskogo. T.1. [translated from English edited by V.N. Sadovsky. V 1]. M.: Mezhdunar.fond «Kul't. iniciativa». 446 p. (In Russ.)

Putnam Robert D. Bowling Alone: America's Declining Social Capital. Journal of Democracy. 1995. N 1. P. 65–78. URL: https://www.journalofdemocracy.org/articles/bowling-alone-americas-declining-social-capital/ (date of access: 15.03.2026).

Ryabov, A.V. O protivorechiyah i istoricheskih razvilkah perehoda k cifrovomu obshchestvu [On the Contradictions and Historical Forks in the Transition to a Digital Society]. Politiya [Politiya], 2022. N 4. P. 23–39. (In Russ.)

Saez E., Zucman G. The Triumph of Injustice: How the Rich Dodge Taxes and How to Make Them Pay. WW Norton & Company, New York, 2019. 232 p.

Shcherbakova E. Domohozyajstva ES-27, 2009–2022 gody [Households of the EU-27, 2009–2022]. Demoskop Weekly [Demoscope Weekly]. 2023. N 1009–1010. (In Russ.). URL: https://www.demoscope.ru/weekly/2023/01009/barom03.php (date of access: 15.03.2026).

Standing G. Prekariat: novyj opasnyj klass [Precariat: The New Dangerous Class]/ per. s angl. [Translated from English]. M.: Ad Marginem Press, 2014. 326 p. (In Russ.)

Studentsov V.B. Antropologicheskij klyuch k ponimaniyu obshchestva: kak ego vidit Ehmmanuehl' Todd [The Anthropological Clue to Understanding of Society: as Emmanuel Todd sees it]. Mirovaya ehkonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [World Economy and International Relations]. 2022. Vol. 66. N 8. P. 111–120. (In Russ.)

Todd E. Porazhenie Zapada [The Defeat of the West] / per. s fr. [translated from French]. M.: AST, 2024. 461 p. (In Russ.)

Todd E. Kuda my idem: istoriya razvitiya chelovechestva glazami antropologa [Where We Are Going: History through the Eyes of an Anthropologist] / per. s fr. [translated from French]. M.: EKSMO, 2021. 510 p. (In Russ.)

Trudeau's Canada, Again // The New York Times, Dec. 8, 2015. URL: https://www.nytimes.com/2015/12/13/magazine/trudeaus-canada-again.html (date of access: 15.03.2026).

US National Center for Health Statistics. URL: https://www.cdc.gov/nchs/nvss/vsrr/infant-mortality-dashboard.htm.(date of access: 15.03.2026).

United Nations Population Division. URL: https://data.un.org/Data.aspx?d=PopDiv&f=variableID%3a77 (date of access: 15.03.2026).

Vitali S, Glattfelder JB, Battiston S. The Network of Global Corporate Control 2011. URL: https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0025995 (date of access: 15.03.2026).

Zuboff S. Ehpoha nadzornogo kapitalizma. Bitva za chelovecheskoe budushchee na novyh rubezhah vlasti [The Age of Surveillance Capitalism. The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power] / per. s angl. [Translated from English]. M.: Gaidar Institute Publishing House, 2022. 781 p. (In Russ.)